

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

*Д.Е. Куликов**

Дун Цзобинь и история открытия иньских гадательных надписей (обзор сведений из двух изданий *Цзягу няньбяо* и их источников)

АННОТАЦИЯ: Дун Цзобинь был одним из пионеров археологического открытия и изучения Иньсюя, места нахождения последней столицы династии Шан-Инь (ок. 1300–1028 гг. до н.э.). С начала XX в. это место было известно по находкам иньских гадательных костей. Особое внимание было уделено Дун Цзобинем истории спорадических находок и исследования гадательных костей до 1929 г. В 1930 и 1937 гг. им были опубликованы две книги под одним названием *Цзягу няньбяо* («Хронологические таблицы [находок и изучения] гадательных костей»). Сведения о первых находках и открытии гадательных надписей из первых глав существенно отличаются в двух изданиях.

В данной статье реконструируется сложный процесс открытия гадательных костей путём исследования свидетельств, как использовавшихся, так и не использовавшихся Дун Цзобинем в его «Хронологических таблицах». Обнаружив противоречия в сведениях из двух изданий *Цзягу няньбяо*, автор даёт этому свое объяснение и делает вывод о том, что противоречия возникли из-за того, что Дун Цзобинь предпочёл миф фактам с целью связать сенсационное открытие гадательных надписей исключительно с героическим именем первого крупнейшего коллекционера гадательных костей — Ван Ижуна. В статье раскрывается роль вэйсяньских торговцев и тяньцзиньских коллекционеров в открытии гадательных надписей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Шан-Инь, гадательные надписи, *лунгу*, Иньсюй, Аньян, Дун Цзобинь.

* Куликов Дмитрий Евгеньевич, к.и.н., независимый исследователь, Москва, Россия.

В марте 1928 г. в Гуанчжоу был образован научно-исследовательский Институт истории и филологии Академии Синика. В планах Института одной из первоочередных задач стало проведение археологических раскопок Иньсюя¹ в деревне Сяотунь округа Чжандэ (совр. г. Аньян, провинция Хэнань, см. [33, с. 30]). К тому времени это место, где впоследствии был раскопан крупный археологический комплекс позднего периода династии Шан-Инь (1300–1028 гг. до н.э.)², было уже хорошо известно торговцам антиквариатом, коллекционерам и исследователям древнекитайской эпиграфики. На протяжении почти трёх десятилетий до этого сяотуньские крестьяне находили на полях фрагменты гадательных костей с выцарапанными на них знаками *цзягувэнь*³. Уникальные эпиграфические памятники регулярно поступали на рынок антиквариата и рассеивались по частным и государственным коллекциям в Китае и за рубежом.

В конце двадцатых годов прошлого века патриарх *цзягусюэ*⁴ («науки о гадательных костях») Ло Чжэньюй (Ло Сюэтан, 1866–1940) полагал, что все крупные находки гадательных надписей уже сделаны,

¹ Иньсюй («Развалины Инь») — традиционное название остатков столичного города Инь (Бо), известного по надписям на гадательных костях как *Шан и* («Город Шан») или *Да и Шан* («Великий город Шан») (см. [2, с. 293]). Город был разрушен и превращён в руины после его взятия чжоусцами и падения династии Шан-Инь в 1028 г. до н.э. (или 1122 г. до н.э. по традиционной хронологии, подробнее о проблеме датировки см. [43, с. 214–215]).

² Под позднешанским периодом, или периодом Инь, понимается промежуток времени с момента переселения иньцев в Иньсюй при Пань-гэне до падения династии при Чжоу-сине (см. [43, с. 214–215]).

³ Термин *цзягувэнь* («надписи на костях и черепаших щитках») был введён в научный оборот и закреплён в специальной литературе на китайском языке в начале 1920-х гг. (см. [32, с. 3; 39, с. 15]). В литературе на русском языке общепринятыми являются термины «надписи на гадательных костях», «гадательные надписи».

⁴ Впервые термин *цзягусюэ* и описание этого направления синологии появляется в 1931 году. *Цзягусюэ* сложилась в результате усилий Ло Чжэньюй и его ближайшего друга и ученика Ван Говэя по дешифровке гадательных надписей и изданию каталогов эстампажей костей из собственной коллекции Ло Чжэньюй, которая на протяжении многих лет являлась крупнейшей коллекцией в Китае. Ло Чжэньюй было собрано более тридцати тысяч фрагментов, значительная часть которых была им опубликована. До конца 1920-х гг. почти все китайские специалисты по *цзягувэнь* в той или иной степени являлись учениками Ло Чжэньюй. Совместно с Ван Говэем Ло Чжэньюй создал научную школу по изучению гадательных надписей, которая получила название *Ло Ван чжи сюэ* «наука Ло и Вана» и являлась предтечей *цзягусюэ* (см. [32, с. 11–12; 15, с. 92–94; 43, с. 55–61]).

и ставил под сомнение целесообразность дальнейших поисков. Несмотря на это, в августе 1928 г. Институт истории и филологии отправляет своего редактора, доцента Университета Сунь Ятсена Дун Цзобиня (Дун Яньтан, 1895–1963) в округ Чжандэ с целью ознакомиться на месте с условиями для снаряжения археологической экспедиции и выяснить, насколько соответствуют действительности слова Ло Чжэньюя об «опустении подземной сокровищницы Иньсюя» (см. [33, с. 30]).

После двухдневного пребывания в Чжандэ Дун Цзобинь отправил в Институт доклад, в котором сообщил о том, что «гадательные кости ещё остались и в последнее время раскапываются неиссякаемым потоком» [33, с. 31]. Доклад Дун Цзобиня был принят во внимание, и первые раскопки начались в октябре того же года и продолжались десять лет. За пятнадцать сессий раскопок, продолжавшихся с 1928 по 1937 г., было найдено 24 918 черепашьих и костных фрагментов с надписями. Дун Цзобинь участвовал в восьми экспедициях (с первой по седьмую и в девятой), причём трижды назначался их руководителем (см. [33, с. 26–28]).

К началу раскопок Дун Цзобиня нельзя было назвать знатоком гадательных надписей и истории их находок, поскольку в своей научной деятельности он изначально специализировался на китайском фольклоре (см. [14, с. 16–22]). Однако за время, проведённое в Сяотуни, Дун Цзобинь, проявив незаурядные способности, стал ведущим специалистом по иньским эпиграфическим памятникам. Кроме того, он услышал от местных жителей истории, связанные с открытием и находками гадательных костей, которые не могли его не заинтересовать (см. [22, с. 11]).

Не случайно, что вскоре после первых экспедиций Дун Цзобинь предпринимает попытку обобщить сведения о предшествующих находках гадательных костей, а также изданных каталогов и других работ по изучению гадательных надписей. В 1930 году он завершает и публикует в сборнике Института истории и филологии свою работу под названием *Цзягу няньбяо* («Хронологические таблицы [находок и изучения] гадательных костей»).

В 1937 г. Дун Цзобинь совместно с тогда ещё начинающим исследователем Ху Хоусюанем (1911–1995) издаёт переработанную и дополненную монографию под тем же названием *Цзягу няньбяо*. Значительной переработке подверглись первые главы, касающиеся открытия гадательных надписей. На примере этих двух работ (ниже — *Цзягу няньбяо–1930* и *Цзягу няньбяо–1937*) представляется интересным проследить эволюцию взглядов Дун Цзобиня на открытие гадательных надписей и проблематику, связанную с первыми находками гадательных костей.

Цзягу няньбяо–1930 охватывает основные события, связанные с находками и исследованием гадательных надписей, в период с 1899 года (25-го года правления Гуансюя) по 1930 год (19-й год Китайской Республики). В *Цзягу няньбяо–1937* обзорный период увеличен до августа 1936 года (25-го года Китайской Республики). Основные сообщения Дун Цзобиня за два года — 1899 и 1900 — сведены нами в следующую таблицу (см. [17, с. 241–243; 18, с. 1–3]):

<i>Цзягу няньбяо–1930</i>	<i>Цзягу няньбяо–1937</i>
13-й год до эры Республики. Год <i>цзи-хай</i> . 1899 г. по западному календарю	25-й год правления цинского Гуансюя. Год <i>цзи-хай</i> . 1899–1900 гг.
<p>1) «Торговец антиквариатом Фань Вэйцин из уезда Вэйсянь провинции Шаньдун первым познакомил общественность с гадательными надписями, раскопанными в деревне Сяотунь близ Аньяна... В этом году Фань впервые приобрёл несколько фрагментов гадательных костей и продал Дуань Фану».</p> <p>Источник — устные сообщения жителей деревни Сяотунь.</p> <p>2) «Традиционно считается, что гадательные надписи были открыты Ван Ижуном, однако, по словам жителей деревни [Сяотунь], первоприобретателем был торговец антиквариатом Фань Вэйцин. Фань собирал древние вещи для Дуань Фана. В поездке по округам Уань и Чжандэ он увидел кости с выцарапанными на них знаками. Он приобрёл несколько фрагментов и передал Дуань Фану. Дуань изумился и купил по цене два с половиной <i>ляна</i> за знак. Фань же стал стараться изо всех сил, чтобы приобрести [кости]. В настоящее время семья Дуань Фана распро­даёт коллекцию древностей, среди</p>	<p>1) «В этом году уроженец Даньту Лю Теюнь по имени Э приехал в столичный город и остановился в доме уроженца Фушаня Ван Ижуна Чжэнжу. Чжэнжу заболел малярией и принимал лекарства, изготовленные из черепаших панцирей, которые он купил в аптеке Дажэньтан на Цайшикоу. Теюнь заметил на черепаших панцирях надписи, выцарапанные в стиле <i>чжуань</i>. Он показал их Чжэнжу, и они оба были сильно удивлены. Чжэнжу изучал надписи на бронзе, поэтому понял, что это древние вещи. Он отправился в аптеку узнать, откуда были доставлены черепашия панцири. [Там ему сказали], что панцири привезли из Аньяна (уезд Таньинь, провинция Хэнань), где местные жители выкапывали их из земли, затем грузили на повозки и продавали по очень низким ценам, считая их непригодными вещами. Тогда мало кто интересовался ими, за исключением аптек, которые только их и покупали. В общем, говорят так. Теюнь обошёл все аптеки и скупил панцири с наиболее хорошо сохранившимися надписями».</p> <p>Источник — газетная статья Си Вэна <i>Гуй цзя вэнь</i> («Надписи на черепаших панцирях»).</p>

<p>которых имеются гадательные кости, что свидетельствует о том, что слова деревенских жителей не являются выдумкой».</p> <p>Источник — устные сообщения жителей деревни Сяотунь.</p> <p>3) «Ван Ижун приобрёл [кости] в Пекине в следующем году. Относительно поздно».</p> <p>Источник не указан.</p> <p>4) «Черепашьи панцири были раскопаны в год <i>цзи-хай</i> в древнем городе Юли, что в уезде Таньинь в Хэнани. По слухам, местные жители, увидев насыпь земли, раскопали её и добыли обломки костей, которые, слипшись с глиной, образовывали комья. Они промыли [кости] водой, и только спустя несколько дней или более месяца [кости] стали очищаться. Затем [кости] положили в таз с водой. Примерно через два-три месяца начинали проявляться надписи. Раскопанных тогда костей имеется два вида: бычьи лопаточные кости, довольно прочные, и черепашьи панцири, одни из которых жёлтого цвета, довольно прочные, и другие — белого цвета, очень хрупкие, с которых нелегко было сделать оттиски».</p> <p>Источник — предисловие Лю Э к каталогу <i>Теюнь гуй цан</i> «Черепашья из коллекции Теюня».</p>	<p>2) «Торговец антиквариатом Фань Вэйцин из уезда Вэйсянь (провинция Шаньдун) занимался скупкой древних вещей для Дуань Фана. Во время поездки по округам Чжандэ и Уань (провинция Хэнань) он увидел надписи, выцарапанные на костях и черепашьих щитках. Он приобрёл несколько фрагментов и передал Дуань Фану. Дуань изумился и купил по цене два с половиной <i>ляна</i> за знак. Фань же стал стараться изо всех сил, чтобы приобрести [кости]. До сих пор жители деревни Сяотунь всё ещё могут рассказывать эту историю, которая стала излюбленным преданием».</p> <p>Источник — устные сообщения жителей деревни Сяотунь.</p> <p>3) «Осенью этого [1899] года торговец Фань продал двенадцать фрагментов Ван Ижуну по цене два <i>ляна</i> за каждый фрагмент».</p> <p>Источник — книга Мэнзиеся <i>Цзягу яньцзю</i> («Исследование гадательных костей») (по словам торговца Фаня).</p> <p>4) «Черепашьи панцири были раскопаны в год <i>цзи-хай</i> в древнем городе Юли, что в уезде Таньинь в Хэнани. По слухам, местные жители, увидев насыпь земли, раскопали её и добыли обломки костей, которые, слипшись с глиной, образовывали комья. Они промыли [кости] водой, и только спустя несколько дней или более месяца [кости] стали очищаться. Затем [кости] положили в таз с водой. Примерно через два-три месяца начинали проявляться надписи. Раскопанных тогда костей имеется два вида: бычьи лопаточные кости, довольно прочные, и черепашьи панцири, одни из которых жёлтого цвета, довольно прочные, и другие — белого цвета, очень хрупкие, с которых нелегко было сделать оттиски».</p>
--	---

	Источник — предисловие Лю Э к каталогу <i>Тюнь гуй цан</i> («Черепahi из коллекции Теюня»).
20-й год до эры Республики. Год <i>гэн-цзы</i> . 26-й год правления цинского Гуань-сюя. 1900 г. по западному календарю.	26-й год правления цинского Гуань-сюя. Год <i>гэн-цзы</i> . 1900–1901 гг.
<p>1) «В этом году торговец Фань, собрав более ста фрагментов (гадательных костей), отправился в столичный город. Там их увидел Ван Ижун и пришёл в восторг. Он купил их по высокой цене. Затем Чжао Чжичжай из Вэйсяня добыл несколько сот фрагментов и также продал Ван Ижуну. В конце года разразилось восстание ихэтуаней и господин Ван погиб».</p> <p>Источник — предисловие Лю Э к каталогу <i>Тюнь гуй цан</i> («Черепahi из коллекции Теюня»).</p> <p>2) Англичанин Коулинг (Couling) и американец Чалфант (F.H. Chalfant) приобрели в Вэйсяне, провинция Шаньдун, много фрагментов гадательных костей с надписями, которые были переданы Британскому и Шотландскому музеям, а также музею Фильд в Чикаго».</p> <p>Источник — предисловие Мэнзиеса к каталогу <i>Иньсюй буцы</i> («Гадательные кости из Иньсюя»).</p>	<p>1) «Весной [1900 года] Фань повторно приезжает в Пекин и продаёт восемьсот фрагментов гадательных костей Ван Ижуну».</p> <p>Источник — книга Мэнзиеса <i>Цзягу яньцзю</i> («Исследование гадательных костей») (по словам торговца Фаня).</p> <p>2) «Затем Чжао Чжичжай из Вэйсяня приобретает несколько сотен гадательных костей и продаёт их Ван Ижуну».</p> <p>Источник — предисловие Лю Э к каталогу <i>Тюнь гуй цан</i> («Черепahi из коллекции Теюня»).</p> <p>3) «В то время среди образованных людей ходили разные кривотолки по поводу [гадательных костей], многие считали их фальшивкой. Господин Ван [Ижун] обнаружил [в гадательных надписях] имена ванов династии Шан и установил, что инскрипции столь необычны, потому что [гадательные кости] являются утраченными предметами эпохи Шан-Инь. Осенью в результате разразившегося восстания ихэтуаней Ван Ижун погиб».</p> <p>Источник не указан.</p> <p>4) «Из-за восстания ихэтуаней торговец Фань вернулся с древними вещами в Вэйсянь и оставил часть у своего компаньона Чжао Чжичжая. В это время [гадательным костям] стало уделяться большое внимание, тогда же появляются первые подделки».</p> <p>Источник — книга Мэнзиеса <i>Цзягу яньцзю</i> («Исследование гадательных костей»).</p>

В данную таблицу мы не включили сообщения Дун Цзобиня касательно предыстории гадательных надписей, т.е. сведения о тех находках, которые предшествовали знакомству с гадательными надписями антикваров и коллекционеров. Согласно выкладкам *Цзягу няньбяо–1930* и *Цзягу няньбяо–1937*, история гадательных костей до 1899 г. сводится к следующему.

По данным Дун Цзобиня, полученным во время пребывания в Сяотуни, до 1899 г. гадательные кости в течение нескольких десятков лет выкапывались крестьянами. Основные находки были сделаны на полях в северной части Сяотуни, на берегу реки Хуаньхэ, где и был впоследствии раскопан Иньсюй. Местные жители принимали найденные фрагменты гадательных костей за *лунгу* «кости дракона», которые, согласно китайской традиционной медицине, обладали целебными свойствами⁵ и представляли собой, главным образом, костные останки доисторических животных (см. [17, с. 241–242; 18, с. 1]).

В обоих изданиях *Цзягу няньбяо* имеется рассказ о сяотуньском жителе Ли Чэне, который в течение многих лет находил *лунгу*, среди которых было немало гадательных костей. Из раскопанных костей Ли Чэн изготавливал лечебный порошок *даоцзяньбяо*⁶. Аптеки принимали *лунгу* и в виде порошка, и в неизмельченном виде, однако фрагменты с надписями и следами краски фармацевтами не принимались, поэтому продавцам приходилось тщательно соскребать выцарапанные знаки (см. [17, с. 242; 18, с. 1]).

Сведения Дун Цзобиня перекликаются с данными других исследователей, ранее посещавших Сяотунь. Так, в путевом дневнике Ло Чжэньчана (Ло Цзыцзин, 1875–1942), который по поручению

⁵ Применение *лунгу* в китайской традиционной медицине было очень широким. Это лекарство, богатое солями кальция, использовалось для лечения расширения брюшной полости при повышенном газообразовании, непроходимости и изъязвлении кишок, паралича конечностей, ночного поноса и кошмаров, крауроза полового члена, гематурии, сперматореи, гонореи, нимфомании, диареи, вызванной переохлаждением, и хронической диареи, периодической дизентерии, кровавого стула, лейкореи (бели), меноррагии, акушерских кровотечений, желудочной флатуленции, носового кровотечения, кровавой рвоты, вздутия живота и кишок, диабета, выпадения прямой кишки, хронической малярии, энуреза, рассеянности сознания, а также в качестве сексуального тонизирующего средства и жаропонижающего, успокоительного и спазмолитического средств (см. [4, с. 28–29]).

⁶ *Даоцзяньбяо* — просторечное название лекарственного средства традиционной китайской медицины *цзиньчуаньяо*. Дун Цзобинь пишет, что оно применялось для лечения ожогов (см. [17, с. 1]). Более широко используется для лечения ушибов и остановки кровотечения при порезах.

своего старшего брата Ло Чжэньчэна посетил Сяотунь в 1911 году с целью скупки гадательных костей и других древних предметов, говорится, что впервые гадательные кости были найдены местными жителями «более тридцати лет назад», т.е. в начале 1880-х гг., и использовались, в основном, в фармацевтических целях в качестве «костей дракона». Фрагменты с труднооскребаемыми инскрипциями использовались для укладки колодцев (см. [23, с. 20])⁷.

Похожие сведения содержатся в работе *Цзягу яньцзю* («Исследование гадательных костей») канадского миссионера, пастора пресвитерианской церкви в Хэнани в 1914–1917 гг. Джеймса Мэнзиеса (1885–1946)⁸. Его книга представляет собой курс лекций по *цзягу-вэнь*, прочитанных автором в Шаньдунском Христианском университете Цилу, и начинается с краткой истории гадательных надписей (см. [30, с. 6–7]).

Мэнзиес, как и Дун Цзобинь, повторяя сведения жителей Сяотуни, сообщает об использовании первых находок гадательных костей в качестве *лунгу*. Он также упоминает Ли Чэна, который всю жизнь занимался сбором *лунгу*-гадательных костей и продавал их в аптеки по цене шесть *вэней* за один *цзинь*⁹, при этом автор добавляет, что этот Ли Чэн был цирюльником (см. [30, с. 6])¹⁰.

⁷ Ло Чжэньчэн сообщает, что всё началось, когда некий крестьянин при вспашке поля случайно откопал несколько обломков костей со следами красной краски. В Сяотуни, как и во многих других местах Хэнани и в целом северного Китая, находки в земле древних артефактов (бронзовых и керамических сосудов, зеркал, монет) не были редкостью и часто служили для крестьян дополнительным источником дохода. Но странные кости с надписями были тогда обнаружены впервые. Однажды один крестьянин, взяв наиболее крупный фрагмент, оказавшийся черепашьим панцирем, отнёс его в аптеку, где его приняли за «кость дракона», из которых делали целебный порошок (см. [23, с. 20–21]).

⁸ Среди иностранцев Мэнзиес (китайское имя — Мин Иши) был обладателем крупнейшей коллекции гадательных костей — около 50 тысяч фрагментов. Часть костей погибла вместе с его домом в Аньяне в 1927 году во время военных действий (см. [41, с. 11; 1, с. 22]).

⁹ *Цзинь* здесь мера веса (0,5 кг). *Вэнь* — мелкая медная монета (с дыркой посередине). В конце цинской династии 1 *лян* (*цзинь*) серебром равнялся 1000 *вэней*.

¹⁰ То, что Мэнзиес называет профессию Ли Чэна («цирюльник»), не случайно. Это указывает на то, что Ли Чэн хорошо владел ножом, необходимым как при бритье голов, так и при измельчении порошка. Не случайно и его занятие изготовлением *даоцзяньяо*, который он, видимо, сам использовал при порезах, возникающих при бритье.

Работа Мэнзиеса была издана в 1933 г., а воспоминания Ло Чжэньчана — в 1935, т.е. после публикации *Цзягу няньбяо–1930*. Следовательно, предыстория гадательных костей впервые становится известной широкой общественности благодаря сведениям, приведённым Дун Цзобинем в *Цзягу няньбяо–1930*.

В обоих изданиях *Цзягу няньбяо* годом открытия гадательных надписей, или, говоря иначе, перехода гадательных костей из разряда фармацевтического материала в разряд коллекционных предметов, является год *цзи-хай* — 1899 год, точнее — 1899–1900 годы, поскольку по лунному календарю год *цзи-хай* окончился 30 января 1900 года. По этой причине первый раздел *Цзягу няньбяо–1937* в отличие от *Цзягу няньбяо–1930* озаглавлен как «Год *цзи-хай*. 1899–1900 гг.»

Источниками сведений Дун Цзобиня о том, что 1899 г. является годом раскопки и открытия гадательных костей, в *Цзягу няньбяо–1930* является устная информация жителей Сяотуни и статья Лю Э (Лю Теюнь, 1857–1909) из книги *Теюнь гуй цан* («Черепашки из коллекции Теюня»). В *Цзягу няньбяо–1937* эти данные были дополнены сообщениями из *Цзягу яньцзю* Мэнзиеса (см. табл.).

Лю Э, широко известный как автор сатирического романа «Записки о путешествии Лао Цаня», был страстным коллекционером древних предметов и незаурядным палеографом¹¹. Именно он впервые сделал и опубликовал эстампажи гадательных надписей. Книга под названием *Теюнь гуй цан* была издана 11 ноября 1903 г. и включала оттиски более тысячи фрагментов гадательных костей из собственной коллекции Лю Э¹². Она также была снабжена предисловиями,

¹¹ Лю Э (уроженец Даньту, пров. Цзянсу) был незаурядным и энергичным человеком. Одно время служил чиновником (*даотай*), проявил инженерные способности при строительстве дамбы Хуанхэ в Хэнани, увлекался математикой и медициной, последние годы жизни занимался различными коммерческими проектами и коллекционировал предметы старины, среди которых, помимо гадательных костей, была керамика, печати, камни, книги. Был отличным знатоком надписей на бронзе и камне, учеником известного палеографа У Дачжэна (1835–1902). В 1908 году был арестован по приказу заместителя Чжили Юань Шикая (1859–1916) и обвинён в организации незаконной купле-продажи риса в оккупированном Пекине в 1901 г., незаконной скупке земли, предназначенной для строительства железной дороги Тяньцзинь–Нанкин, и махинациях в горнопромышленном синдикате. Был признан виновным в государственной измене, получил клеймо «изменник» *ханьцзянь* и сослан в Урумчи (Синьцзян), где умер от кровоизлияния в мозг в 1909 г. (см. [42, с. 62–65]).

¹² Лю Э опубликовал 1058 фрагментов, из которых пять фрагментов были подделкой, надписи на трёх фрагментах повторяются дважды, двенадцать оттисков напечатаны в перевернутом виде (см. [34, с. 84]).

написанными Лю Э и его друзьями — Ло Чжэньюем¹³ и коллекционером-палеографом У Чаншоу (У Бовань, 1867–?). Эти статьи стали первыми научными работами по *цзягувэнь*. В предисловии Лю Э содержится наиболее раннее свидетельство того, что гадательные кости, впервые выставленные на продажу, были раскопаны в 1899 г. (год *цзи-хай*).

В обоих изданиях *Цзягу няньбяо* приведён один и тот же отрывок из вступительной статьи Лю Э (см. табл.). В оригинальной статье этот текст заканчивается словами: «Всего я собрал более пяти тысяч фрагментов. Но не осмелюсь сказать, что все они извлечены из одной ямы в год *цзи-хай*» [27, т. 2, с. 20]. Таким образом, Лю Э, называя годом раскопки гадательных костей год *цзи-хай*, в то же время допускал, что не все находки были сделаны в одно время и в одном месте.

Коллекционирование Лю Э гадательных костей началось с покупки им в 1902 г. большей части коллекции столичного учёного и коллекционера, ректора Императорской Академии наук Ван Ижуна (Ван Вэньминь, Ван Ляньшэн, Ван Чжэнжу, 1945–1900). Ван Ижун, уроженец уезда Фушань (провинция Шаньдун), был учеником крупнейшего коллекционера и палеографа артефактов конца иньской эпохи Чэнь Цзеци (Чэнь Фучжай, 1813–1884) из уезда Вэйсянь (совр. город Вэйфан, провинция Шаньдун), благодаря которому, к слову, этот уезд и стал одним из антикварных центров Китая (см. [40, с. 170–175]). После трагической гибели Ван Ижуна в августе 1900 г. его сын Ван Чунле (Ван Ханьпу, 1870–1919) был вынужден распродать коллекцию отца для погашения старых семейных долгов¹⁴. Отметим, что по убеждению Лю Э, Ван Ижун приобрёл гадательные кости в 1900 г., т.е. на следующий год после их раскопки крестьянами и приобретения торговцами из Шаньдуна.

Что касается места раскопки гадательных костей, то в своей статье Лю Э ошибочно называет древний город Юли, который, по

¹³ Лю Э и Ло Чжэньюй познакомились в 1894 г. Несколько лет Ло Чжэньюй был домашним учителем сыновей Лю Э. В 1903 г. дочь Ло Чжэньюй вышла замуж за младшего сына Лю Э. По признанию самого Ло Чжэньюй, именно он посоветовал Лю Э издать эстампажи гадательных надписей (см. [24, с. 160]).

¹⁴ Ван Чунле — средний сын Ван Ижуна, после смерти старшего брата Ван Чуньяня в 1894 г. стал главным наследником. Находился на службе в Тяньцзине в качестве *хоубудао*. После смерти отца большая часть коллекции перешла к нему, меньшая часть (в том числе гадательных костей) — к его младшему брату Ван Чунхуаню (Ван Ханьчжан, 1892–1952). Большинство непроданных Лю Э гадательных костей впоследствии были переданы историческому музею Тяньцзиня (подробнее см. [31, с. 38; 6, с. 538; 43, с. 647]).

древнекитайской историографии, находился в уезде Таньинь провинции Хэнань (см. [13, с. 36]). Автор не раскрывает свой источник, ограничиваясь лишь общим выражением «как говорят». Однако есть основания полагать, что информацию о времени и месте первой находки гадательных костей он первоначально получил от антиквара из уезда Вэйсянь по имени Чжао Чжичжай.

О своем сотрудничестве с Чжао Чжичжаем Лю Э пишет во вступительной статье: «По моему поручению Чжао Чжичжай в течение года ездил по окрестностям Ци, Лу, Чжао и Вэй и скупил более трёх тысяч фрагментов»¹⁵ [27, т. 2, с. 21–22]. В дневнике Лю Э за 1902 г. сохранились записи, свидетельствующие о его контактах с Чжао Чжичжаем, например: «9-й месяц. 19-е число (18 ноября)... В час *сы-кэ* приезжал вэйсяньский Чжао Чжичжай и привёз по ящику черепаших панцирей и ханьских печатей... Есть много крупных [фрагментов] черепаших панцирей... Вечером пересчитывал панцири и кости: всего — тысяча триста штук. Можно сказать, что разбогател». И ещё: «9-й месяц. 29-е число (28 ноября). Ясно. Перед обедом обсуждал с Чжао Чжичжаем погашение долга»¹⁶ [27, т. 1, с. 713].

Свидетельством того, что Лю Э слышал рассказ о находке гадательных костей от Чжао Чжичжая, служит следующая дневниковая запись: «9-й месяц. 20-е число (27-е ноября)... В час *шэнь-кэ* пришёл побеседовать к Ван Сяоюю¹⁷. Говорили о происхождении черепаших панцирей. Он повторил то же, что сообщил Чжао. Сегодня утром приходил Ван Дуаньши¹⁸ и говорил то же самое, что и Чжао» [27, т. 1, с. 713]. Таким образом, в беседах Лю Э с Чжао Чжичжаем и своими приятелями речь шла о времени, месте и обстоятельствах первой находки гадательных костей. Немаловажным является тот

¹⁵ Это сообщение содержится в *Цзягу няньбяо–1937* в разделе «Год *гэн-цзы*. 1900–1901 гг.» (см. [17, с. 2]).

¹⁶ Речь идёт о погашении задолженности перед Чжао Чжичжаем за предыдущую покупку гадательных костей и ханьских печатей.

¹⁷ Ван Сяоюй (Ван Гуань, 1847–?) — крупный цинский чиновник, лекционер и каллиграф, близкий друг Ван Ижуна и Лю Э. Сохранилась общая фотография Ван Сяоюя, Лю Э, Ло Чжэньюя и Фан Яоюя, сделанная в 1906 г. в саду дома Лю Э в Пекине (см., например, [24]). После ареста Лю Э он предпринял несколько неудачных попыток его освобождения.

¹⁸ О Ван Дуаньши нам не удалось найти сведений. По данным Лю Хуэйсуня, Ван Дуаньши был сыном Ван Ижуна (см. [26, с. 96]). О том, что он был братом Ван Чунле, также пишет Лю Дэлун (см. [28, с. 209]). Однако в других источниках подтверждения этому нет. Судя по дневнику Лю Э, Ван Дуаньши был близок к семье Ван Ижуна, занимался антиквариатом и коммерцией.

факт, что подтверждение сведений Чжао Чжичжяя Лю Э получил от лиц, близких к семье Ван Ижуна, — Ван Сяюя и Ван Дуаньши.

Чжао Чжичжяй был земляком и партнёром другого вэйсяньского торговца антиквариатом по фамилии Фань. По данным Мэнзиеса, когда в 1900 г. «господин Фань» возвратился из Пекина в Вэйсянь, все нераспроданные гадательные кости он оставил у Чжао Чжичжяя (см. [30, с. 8]). Об этом же рассказывает Фрэнк Чалфант (1862–1914), вэйсяньский миссионер американской пресвитерианской церкви, один из первых иностранцев, ставших собирать гадательные кости. По его словам, после находки в 1899 г. гадательных костей «торговцы сначала направились в Пекин, но, обнаружив, что город взволнован приближающимся восстанием боксёров, они привезли свой товар в город Вэйсянь (провинция Шаньдун) и передали часть находки в руки местного антиквара. Этот китайский джентльмен, будучи приятелем автора, поведал о наличии уникальных предметов старины и одолжил их ему для ознакомления» [3, с. 30]. В этом отрывке торговцами Чалфант называет Фаня и его компаньонов, а своим приятелем, «китайским джентльменом», — Чжао Чжичжяя (см. [20, с. 42]).

В конце эпохи Цин с уездом Вэйсянь мог конкурировать лишь столичный антикварный рынок. В то время в поисках товара торговцам приходилось часто ездить по стране, в особенности по провинциям северного Китая. Там они скупали древние предметы, которые sporadически выкапывались крестьянами, и сбывали их либо непосредственно своим клиентам, либо через антикварные рынки по всей стране. Конкурентом шаньдунской группы антиквариеров была пекинская группа торговцев. Борьба между ними велась не только за клиентуру, но и за источники товара (см. [23, с. 21]).

В условиях конкурентной борьбы стремление монополизировать торговлю новым товаром — гадательными костями заставляла вэйсяньских торговцев скрывать истинное место их находки. Поскольку при общении с клиентами они не могли совсем не говорить о происхождении гадательных костей, то им приходилось вводить коллекционеров в заблуждение, называя ложные места находок. Так, Чжао Чжичжяй сообщил Лю Э, что гадательные кости были раскопаны в уезде Таньинь (провинция Хэнань) на месте древнего города Юли, а Чалфанту — на месте другого древнего города в Хэнани, Чжаогэ¹⁹ в

¹⁹ Город Юли находился в 15 км к югу от Аньяна, в 4 км к северу от уездного центра Таньинь. На возвышенности общей площадью 10 918 кв.м были обнаружены три культурных слоя: нижний принадлежал культуре серой керамики Луншань, средний и верхний — шанскому и раннежоускому периодам. Однако в этом месте не было найдено гадательных костей.

округе Вэйхуй (совр. уезд Цзисянь). О том, что гадательные кости якобы раскапывались в округе Вэйхуй, Ло Чжэньюй узнал от вэйсяньского антиквара по фамилии Фань²⁰ (см. [13, 36–37; 32, с. 6]).

С момента публикации работы Лю Э 1899 г. (год *цзи-хай*) в литературе по *цзягувэнь* прочно закрепился как дата появления информации о находке гадательных костей. В ранних исследованиях гадательных надписей, в первую очередь в работах Ло Чжэньюй, также фигурирует эта дата. Ни Лю Э, ни Ло Чжэньюй не сообщают, что в 1899 г. гадательные кости были приобретены кем-то, кроме торговцев антиквариатом из провинции Шаньдун.

В обоих изданиях *Цзягу няньбяо* Дун Цзобинем приводятся сведения, полученные от жителей Сяотуни, о том, что первая партия раскопанных в 1899 г. гадательных костей была скуплена у крестьян неким торговцем антиквариатом из уезда Вэйсянь Фань Вэйцином (см. [17, с. 242; 18, с. 1]). Однако между сведениями двух изданий *Цзягу няньбяо* есть существенное различие: в *Цзягу няньбяо–1930* подчёркивается, что Ван Ижун впервые приобрёл гадательные кости в 1900 г., а в *Цзягу няньбяо–1937* указывается на открытие и первую покупку гадательных костей Ван Ижуном в 1899 г. (см. табл.).

Итак, в письменных свидетельствах первых коллекционеров, имевших прямые контакты с вэйсяньскими торговцами (Лю Э, Ло Чжэньюй, Чалфант, Мэнзиес), появление информации о находке гадательных костей, как правило, датируется 1899 г. Исключение составляет одно из сообщений Ван Говэя (Ван Цзинъань, 1877–1927), ближайшего друга и ученика Ло Чжэньюй, в котором он датирует появление гадательных надписей «годами *у-суй* и *цзи-хай*», т.е. 1898–1899 гг. (см. [6, с. 554]). Возможно, Ван Говэю были известны факты, которые впервые обнародовал один из участников первой известной сделки купли-продажи гадательных костей — тяньцзиньский

Город Чжаогэ, как называлась согласно древнекитайской историографии иньская столица, находился на северо-западе современного уезда Цзисянь в Хэнани. На этом месте также были найдены культурные слои от Луншаня до шанского и раннечжоуского периодов, однако не были обнаружены гадательные кости (см. [12, с. 45–46]).

²⁰ Истинное место находки Ло Чжэньюй удалось узнать в 1908 г. (см. [12, с. 46]). Ху Хоусюань сообщает, что Ло Чжэньюй узнал о месте находки от антиквара, только что прибывшего из Кайфэна (Хэнань), в 1910 г. (см. [34, с. 15]). Однако эту дату нельзя считать верной (см. [13, с. 37–38]).

коллекционер и исследователь *цзягувэнь* Ван Сян (Ван Фуши, 1876–1965)²¹.

По воспоминаниям Ван Сяна, «зимой года *у-суй*, в 10-ю луну» (т.е. в ноябре–декабре 1898 г. — *Д.К.*), к нему, молодому учёному *сюцаю*, в Тяньцзинь приехал приятель, вэйсяньский торговец антиквариатом Фань Шоусюань. По его рассказу, будучи в уезде Танъинь в Хэнани он стал свидетелем того, как крестьяне при сборке урожая арахиса выкопали удивительные предметы — костные обломки с выцарапанными на них знаками. Этот разговор слышал также гостивший у Ван Сяна его старший товарищ Мэн Диншэн (Мэн Гуанхуй, 1867–1939)²², тяньцзиньский художник-каллиграф и коллекционер. Фань Шоусюань обратился с вопросом к друзьям, не желают ли они приобрести эти предметы. Те не только согласились, но и стали торопить торговца «взять повозку и привезти эти предметы». Мэн Диншэн высказал предположение, что это могут быть бамбуковые дощечки, известные по древним трактатам. Фань Шоусюань вернулся только через год, «в 10-ю луну года *цзи-хай*», т.е. в ноябре–декабре 1899 г., и привёз на продажу несколько сотен фрагментов гадательных костей, которые он уже называл «черепашьими панцирями» и «костями», и просил за них высокую цену (см. [8, с. 13; 9, с. 2590; 12, с. 28]).

Следует отметить, что Ван Сян в одних работах называл датой открытия гадательных костей 1899 г., в других — 1898, что вызвало дискуссию в научных кругах насчёт того, какую же дату следует счи-

²¹ Ван Сян начал заниматься изучением надписей на бронзе и камне в двадцатилетнем возрасте. Впервые приобрёл гадательные кости в 23 года и продолжал собирать их на протяжении жизни. Его первая работа по дешифровке гадательных надписей была издана лишь в 1920 г., причём за два года до этого он передал рукопись для ознакомления своему близкому другу Ван Чунле, сыну Ван Ижуна. Он очень дорожил своей коллекцией гадательных костей и не мог продать ни одного фрагмента даже в самые трудные периоды жизни. По слухам, в 1952 г., когда Ван Сян особенно нуждался в средствах, он получил письмо от Дун Цзобиня с предложением продать коллекцию гадательных костей одному американскому университету, на что Ван Сян ответил отказом. В том же году он был назначен директором музея в Тяньцзине и передал свою коллекцию государству (см. [9, т. 3, с. 2601; 38, с. 44; 42, с. 66–67]).

²² Мэн Диншэна следует считать первым исследователем гадательных надписей, поскольку сохранилась его рукопись с прорисовкой иньских знаков и указанием даты её составления на обложке — «год *энь-цзы* (т.е. 1900 год), 9-я луна, 21-е число, ночь» (см. [43, с. 648]). Это наиболее ранняя работа по изучению гадательных надписей.

тать правильной (подробнее см. [39, с. 32-34; 12, с. 28; 10, с. 1–8]). В данном случае мнения могут быть различными, если по-разному интерпретировать понятие «открытие». Так, говоря о том, что «люди узнали об иньских инскрипциях» в 1898 г., Ван Сян сообщал, что в этом году неизвестные ранее предметы с древними инскрипциями были впервые замечены вэйсяньским торговцем, который поделился новостью с молодыми тяньцзиньскими учёными, однако никому из них ещё не было доподлинно известно о том, что это за предметы и насколько они ценны. Напротив, в 1899 г. ценность гадательных костей, первообладателями которых стали вэйсяньские торговцы, уже не вызывала сомнений ни у тяньцзиньских коллекционеров, которые именно в этом году впервые увидели и купили гадательные кости, ни у коммерсантов, уверенных в высокой стоимости этих древних артефактов, ставших новинкой антикварного рынка.

Несмотря на то, что первое подробное воспоминание Ван Сяна об увиденных им впервые гадательных надписях было опубликовано в 1933 г. (см. [с. 9, с. 1788]), в *Цзягу няньбяо–1937* эта работа не упоминается. Ван Сян долгое время оставался непризнанным исследователем и коллекционером *цзягувэнь*. Несправедливость отношения к нему была позднее признана соавтором *Цзягу няньбяо–1937* Ху Хоусюанем, который немалую часть своей специальной работы по истории гадательных костей отвёл роли Ван Сяна в открытии гадательных надписей (см. [с. 35, с. 554–556]).

В *Цзягу няньбяо–1930* первооткрывателем гадательных надписей Дун Цзобинь однозначно считает вэйсяньского антиквара и впервые в научной литературе называет его полное имя: Фань Вэйцин. До этого торговец Фань упоминался первыми коллекционерами только по фамилии без указания имени. Впервые о нём сообщает Лю Э в своей вступительной статье в связи с продажей гадательных костей Ван Ижуну: «в год *гэн-цзы* разъездной торговец Фань прибыл в столичный город, взяв с собой более ста фрагментов [гадательных костей]» [27, т. 2, с. 21]. В дневниках Лю Э за 1901 и 1902 гг. Фань не фигурирует, однако он появляется в записи от 13 ноября 1905 г. в связи с покупкой автором у него трёхсот фрагментов гадательных костей и других древних предметов ([см. 27, т. 1, с. 736]), что свидетельствует о личном знакомстве Лю Э с этим торговцем.

С Фанем были также знакомы близкие к Лю Э коллекционеры. Так, Лю Э сообщает, что его друг, тяньцзиньский издатель и коллекционер Фан Яоюй (Фан Жо, 1869–1954/1955)²³ уступил ему «триста

²³ Фан Яоюй известен как коллекционер и знаток древнекитайских монет. В начале XX в. входил в тройку крупнейших китайских нумизматов. На

фрагментов, которые собрал торговец Фань» (см. [27, т. 2, с. 21]). Ло Чжэньюй приобрёл первые гадательные кости для своей коллекции у того же торговца Фаня, а впоследствии именно торговец Фань в 1908 г. раскрыл Ло Чжэньюю истинное место находок, которое в течение девяти лет было неизвестно коллекционерам. Кроме того, все сведения Мэнзиеса о находках гадательных костей полностью записаны со слов вэйсяньского торговца Фаня, клиентом которого первоначально был канадский исследователь (см. [43, с. 650]).

В воспоминаниях Ло Чжэньчана также фигурирует торговец по фамилии Фань: «в некоем году шаньдунский антиквар Фань Чжаоцин, проезжая по сёлам и весям, прибыл в Сяотунь в поисках раскопанных предметов. Местные жители спросили его, какого рода [предметы ему нужны], он ответил, что все [предметы] с надписями. Они показали ему кости. Хотя Фань и не знал, что это такое, он обнаружил, что вырезанные на них знаки во многом сходны с надписями на бронзе, и тогда он скупил [кости] полностью... Впоследствии деревенские жители стали продавать кости Фаню» (см. [23, с. 21]). Имя Фаня, указанное Ло Чжэньчаном, — Чжаоцин 兆庆 созвучно с именем Вэйцин 维清, как называет первооткрывателя гадательных надписей Дун Цзобинь.

В наиболее ранних источниках имя вэйсяньского торговца часто опускается: у Лю Э фигурирует *Фань син кэ* «разъездной торговец по фамилии Фань», у Ло Чжэньюя — *Фань моу* «некий Фань» или *Фань гу* «антикварий Фань», у Мэнзиеса — *Фань ши* «господин Фань». Все эти исследователи были знакомы лично с вэйсяньским торговцем Фанем и должны были знать его полное имя, поэтому трудно объяснить, почему они в своих работах ограничивались лишь указанием одной фамилии. Вероятная причина этого заключается в том, что торговцев по фамилии Фань могло быть несколько.

Ван Сян в своих воспоминаниях упоминает двоих торговцев: один — Фань Шоусюань 范寿轩, другой — Фань Вэйцин 范维清 (卿), однако из его рассказа не совсем понятно, идёт ли речь об одном или двух лицах (см. [8, с. 13]). В 1953 г. к Ван Сяну за разъяснениями обратился Чэнь Мэнцзя (1911–1966) и получил в ответ письмо, в котором утверждалось, что вэйсяньских торговцев действительно было двое (см. [43, с. 648]).

Фань Шоусюань, которого, к слову, Ван Сян называет своим приятелем, дважды приезжал в Тяньцзинь — в 1898 и 1899 гг., после чего отправился в Пекин и продал гадательные кости Ван Ижуну. О

протяжении многих лет активно сотрудничал с японцами. За коллаборационизм во время антияпонской войны был осуждён как изменник.

Фань Вэйцине, по сообщениям Ван Сяна, известно лишь то, что он приезжал в Тяньцзинь в 1900 г. и продал партию фрагментов Ван Сяну и Мэн Диншэну, а также, вероятно, некоторым другим коллекционерам (см. [9, с. 2592]).

Сведения Ван Сяна подтверждаются выкладками из родословной книги семьи Фань, происходящей из небольшой деревни Фаньцзячжуан в бывшем уезде Вэйсянь (ныне — Фанцзяцунь района Вэйчэн города Вэйфан). В этой книге имеются данные о жителях деревни, которые занимались антикварным бизнесом. Среди них упоминаются Фань Вэйцин 范维清 (второе имя — Цзиси) и Фань Чуньцин 范椿清 (второе имя — Шоусюань) ([38, с. 9; 25, с. 9]). Заметим, что первые имена этих лиц созвучны, поэтому их легко можно было спутать.

Эти торговцы также упоминаются в сочинении *Вэйсянь чжи гао* («Набросок описания уезда Вэй»), которое было составлено местными краеведами в 20–30-х годах прошлого века и издано в 1942 г. В нём говорится, что «Фань Чуньцин, второе имя — Шоусюань, житель деревни Фаньцзячжуан, занимался торговлей древними вещами. Как-то раз он со своим младшим братом Хуайцином отправился в деревню Сяотунь округа Чжандэ. Там они приобрели шанский сосуд. Спустя год они снова отправились туда. И тогда местные жители показали им черепашьи щитки» ([38, с. 4–5]).

Согласно этому источнику, Фань Шоусюань (Чуньцин) совершал поездки в Сяотунь не один, а со своим братом по имени Хуайцин 怀清. Имя Хуайцин также созвучно с именем Вэйцин, поэтому вполне вероятно, что спутником Фань Шоусюаня следует считать Фань Вэйцина. Как бы то ни было, первыми, кто обнаружили гадательные кости, были двое вэйсяньских торговцев, объединённых не только общим бизнесом, но и родственными связями.

Лапидарные сведения о Фань Шоусюане, а также его другом компаньоне и земляке — Чжао Чжичжае, причастном к сбыту первых партий гадательных костей, содержатся в работе Шан Чэнцзо (1902–1991) о поддельных инскрипциях на древних бронзовых сосудах, опубликованной в 1932 г. О Фань Шоусюане, в частности, сообщается, что он был хорошим резчиком. На момент написания вышеуказанной работы его уже не было в живых. Про Чжао Чжичжая (второе имя — Юнчжун) Шан Чэнцзо сообщает следующее: «Умер он не более десяти лет назад, но и сейчас на эстампажах бронзовых сосудов можно часто встретить печать “эстамп Чжичжая”, т.е. эстампаж был выполнен им собственноручно. Кроме того, он был хорошо знаком с кругом образованных людей. Слышал, что он неплохо владел искусством резки надписей» (цит. по [38, с. 37]).

Однако и по этим скудным данным видно, что вэйсяньские торговцы были весьма примечательными личностями. Они не только успешно занимались куплей-продажей древних предметов, но и были профессиональными резчиками знаков, скопированных с древних бронзовых сосудов. Сведения о вэйсяньских антикварах как мастерах по изготовлению копий древних инскрипций и эстампажей бронзовых сосудов позволяет предположить, что именно благодаря своим профессиональным навыкам, которые были бы невозможны без определённых знаний в области палеографии, они смогли обнаружить сходство гадательных надписей с хорошо известными им надписями на иньской и чжоуской бронзе и тем самым определить коллекционную ценность *цзягувэнь*.

Неслучайно Лю Э по этому поводу замечает, что все раскопанные в 1899 г. гадательные кости «были приобретены торговцами из Шаньдуна, которые, осознав ценность [находки], стали собирать их в надежде получить хорошую цену» [27, с. 20]. Как бы это ни казалось невероятным, вэйсяньские антиквари, по нашему убеждению, первыми стали связывать инскрипции на гадательных костях с концом эпохи Шан-Инь. Иначе трудно объяснить, на каком основании они, намеренно вводя в заблуждение своих клиентов, называли ложные места находок, так или иначе связанные с иньской историей.

К примеру, Лю Э был уверен, что гадательные кости были найдены на месте древнего города Юли (уезд Таньинь), который известен тем, что, согласно традиционной древнекитайской историографии, в нём при последнем иньском правителе Чжоу-сине располагалось место заточения легендарного Вэнь-вана (чжоуского Си-бо Цзи-чана, см., напр., [2, с. 176, 182–183, 297]). Кроме того, в уезде Таньинь, по тем же источникам, находился удел Бэй, который чжоуский У-ван пожаловал иньскому У-гэну, сыну свергнутого Чжоу-синя. В отличие от Лю Э, Чалфант, а затем и Ло Чжэньшуй считали, что гадательные кости были найдены в округе Вэйхуй (провинция Хэнань, современный уезд Цзисянь), в котором древнекитайская историография локализовала легендарную иньскую столицу Чжаогэ ([2, с. 296, 312, 317]). Чалфант также полагал, что гадательные кости были извлечены из могилы легендарного мудреца, «сына вана» Би-ганя, казнённого Чжоу-синем, чтобы посмотреть, есть ли в его сердце семь отверстий, и похороненного в округе Вэйхуй (см. [5, с. 3], о Би-гане см. [2, с. 177]).

Вряд ли можно считать эти сообщения случайными. Если допустить, что вэйсяньские торговцы провели собственный анализ знаков на гадательных костях и пришли к выводу об их принадлежности к позднеиньскому или раннечжоускому периодам, то выбор Таньиня

или Вэйхуя в качестве места лженаходки гадательных костей выглядит весьма подходящим.

При написании *Цзягу няньбяо–1930* Дун Цзобинь склонялся к тому, что первым приобретателем гадательных костей был крупный цинский чиновник, учёный и коллекционер — Дуань Фан (Дуань Уцяо, 1861–1911). Причём исследователь особенно подчёркивал тот факт, что Фань Вэйцин стал продавать кости Дуань Фану в 1899 г., и только в следующем, 1900 г., гадательные кости были приобретены Ван Ижуном. Как известно, ни Дуань Фан, ни Ван Ижун не оставили каких-либо письменных свидетельств о своих коллекциях гадательных надписей. Однако, в отличие от коллекции Ван Ижуна, которая вскоре после его смерти попала в руки Лю Э и была им частично опубликована, коллекция Дуань Фана долгое время оставалась неизвестной.

Согласно другим сведениям, Дуань Фан впервые приобрёл гадательные кости после Ван Ижуна. Так, Ло Чжэньчан в своих воспоминаниях указывает на то, что Фань Чжаоцин, как он называет одного из вэйсяньских торговцев, сначала продал первую партию гадательных костей Ван Ижуну, а затем уже Дуань Фану (см. [23, с. 22]). Это согласуется со сведениями Мэнзиеса о том, что Фань продал Дуань Фану около тысячи фрагментов лишь в 1904 г., для чего он специально совершил поездку в Чанша, где в то время губернаторствовал Дуань Фан (см. [30, с. 9]).

Следует отметить, что в 1899 г. Дуань Фан занимал должность гражданского губернатора провинции Шэньси и постоянно находился в Сиани, после чего в конце 1900 г. был направлен в Хунань. Как известно, Фань Шоусюань отправился с первой партией гадательных костей в Тяньцзинь и Пекин. Нам неизвестно, где в это время был Фань Вэйцин, но не исключено, что он отправился в Сиань. К тому же, в беспокойной обстановке, вызванной восстанием ихэтуаней, которое в то время распространялось в столичный округ Чжили, поездка в Шэньси к Дуань Фану была бы безопасней. Но это предположение не имеет свидетельств.

По информации Чалфанта, вэйсяньские торговцы в 1899 г. всего скупили у крестьян около трёх тысяч фрагментов. Ван Ижун приобрёл порядка 1200 фрагментов (но не более 1500). Часть костей была сначала реализована в 1900 г. в Тяньцзине и Пекине, другая часть была оставлена в Вэйсяне и затем продана Лю Э. Гипотетически некоторое количество фрагментов могло быть передано Дуань Фану, однако, даже если бы это было так, он, по-видимому, не испытывал большого интереса к гадательным надписям. Судьба кол-

лекции Дуань Фана также не позволяет пролить свет на вопросы о её происхождении.

Специально исследовавший этот вопрос Чэнь Мэнцзя пришёл к выводу о малочисленности и позднем (по сравнению с коллекцией Ван Ижуна) происхождении коллекции Дуань Фана (см. [43, с. 651]). Мэнзиес в своей работе подчёркивает, что Дун Цзобинь в *Цзягу няньбяо–1930* неверно считает Дуань Фана первоприобретателем гадательных костей (см. [30, с. 9]). Однако, что очень примечательно, в *Цзягу няньбяо–1937* Дун Цзобинь, признав первенство Ван Ижуна, в то же время не отказался от сведений о покупке некоторого количества гадательных костей Дуань Фаном в 1899 г. Сообщение о продаже костей Фань Вэйцином Дуань Фану содержится в обоих изданиях *Цзягу няньбяо* (см. табл.)²⁴.

Впервые имя Ван Ижуна в связи с находкой гадательных надписей появляется в двух из трёх предисловий к каталогу «Черепахи из коллекции Теюня» — в статьях У Чаншоу и Лю Э. Так, если У Чаншоу лаконично замечает, что «Вэньминь первым проложил путь» [27, т. 2, с. 17], то Лю Э в своей статье даёт более развёрнутую информацию: «В год *гэн-цзы* некий разъездной торговец Фань, взяв с собой более сотни фрагментов черепашьих панцирей, прибыл в столичный округ. Вэньминь Ижун из Фушани, увидев их, пришёл в восторг и купил по высокой цене. После этого Чжао Чжичжай из Вэйсяня продал Вэньминю несколько сотен фрагментов. Вскоре разразилось боксёрское восстание ихэтуаней, и Вэньминь погиб, пожертвовав собой» [27, т. 2, с. 21].

В *Цзягу няньбяо–1930* этот отрывок процитирован Дун Цзобинем в полном виде. Однако в *Цзягу няньбяо–1937* из него без изменений взято лишь одно сообщение о том, что в 1900 г. Чжао Чжичжай продал Ван Ижуну несколько сотен фрагментов (см. табл.). Информация Лю Э о том, что в 1900 г. (год *гэн-цзы*) Ван Ижун приобрёл у Фаня

²⁴ В 1911 г. после убийства Дуань Фана большая часть его коллекции перешла к его зятю Юань Кэцяну (1898–1941), сыну Юань Шикая, и долгое время оставалась неизвестной. В 1947 г. часть коллекции была приобретена сыном Ло Чжэньюя Ло Фуи (1905–1981), однако, как обнаружилось, большинство её составляли подделки, подлинных костей насчиталось всего около 200 фрагментов (см. [43, с. 651]). В 1922 г. значительная часть гадательных костей Дуань Фана была приобретена владельцем известного пекинского антикварного магазина «Да гу чжай». По данным Дун Цзобиня, несколько сотен фрагментов были впоследствии выкуплены археологической секцией отдела синологии научно-исследовательского института Пекинского университета (см. [18, с. 255]).

более ста фрагментов, была заменена сведениями из работы Мэнзиеса *Цзягу яньцзю*. Таким образом, если в 1930 г. Дун Цзобинь был уверен, что Ван Ижун впервые приобрёл гадательные кости после Дуань Фаня, то в 1937 г. он изменил свою точку зрения, выдвинув ряд новых свидетельств того, что Ван Ижун был не только первоприобретателем гадательных костей, но и их первооткрывателем.

Изменить свою прежнюю точку зрения Дун Цзобиня заставила история гадательных надписей, записанная Мэнзиесом со слов вэйсяньского торговца Фаня в 1914 г. (см. [30, с. 7]). В *Цзягу няньбяо—1937* Дун Цзобинь приводит данные из этого труда о том, что весной года *гэн-цзы* (1900 г.) Фань приехал в Пекин и продал Ван Ижуну 800 фрагментов гадательных костей, среди которых был один целый черепаший панцирь²⁵ (см. [17, с. 2]). Как видно, время приезда Фаня согласуется с данными Лю Э. Расхождение заключается в количестве проданных фрагментов.

Следует отметить, что свидетельство Фаня о том, что количество проданных фрагментов было порядка 800, косвенно подтверждается дневниковыми записями Лю Э. По сведениям Лю Э, Ван Ижун «покупал кости два раза, первый раз за двести *цзиней*, второй — за сто с лишним *цзиней*» [27, т. 1, с. 713]. Если эту запись из дневника Лю Э сопоставить с данными из его вступительной статьи, то окажется, что Ван Ижун приобрёл сто фрагментов за двести *цзиней*, а несколько сот фрагментов — за сто *цзиней*, что противоречит здравому смыслу и позволяет предположить, что в статье Лю Э допущена ошибка.

Известно, что коллекция Ван Ижуна составляла порядка 1200 фрагментов (по подсчётам Чэнь Мэнцзя, не более 1500 фрагментов, см. [43, с. 647]). Если считать верным, что 800 фрагментов пекинский учёный приобрёл у Фаня за двести *цзиней*, то остальные примерно 400 фрагментов (а Лю Э как раз пишет о нескольких сотнях) Ван Ижун должен был купить у Чжао Чжичжая за сто с лишним *цзиней*. Цена за фрагмент составляла порядка 0,2 *ляна* (*цзиня*) за фрагмент, но это всего лишь усреднённая цена, поскольку наиболее

²⁵ Этот уникальный памятник представлял собой верхнюю часть нижнего черепашьего щитка с надписью в 52 знака. По словам Ван Сяна, «среди костей, проданных Ван [Ижуну], был незабываемый экземпляр — целая верхняя часть панциря. Он был просто превосходным. Все в то время считали его большой драгоценностью» [8, с. 13]. Об этом же экземпляре Фань рассказывал Мэнзиесу, причём по утверждению вэйсяньского антиквара, он его продал Ван Ижуну вместе с партией костей весной 1900 г. (см. [30, с. 8]). О судьбе экземпляра и дешифровке надписи на нём подробнее см. [36, с. 44–45].

дорогими были крупные фрагменты с большим числом знаков²⁶. Кстати говоря, Лю Э приобрёл более тысячи фрагментов из коллекции Ван Ижуна за четыреста *лянов* (см. [26, с. 101]).

Примечательно, что в разговоре с Мэнзиесом Фань умалчивает о продаже гадательных костей Ван Ижуну его компаньоном Чжао Чжичжаем. Он лишь замечает, что после возвращения в Вэйсянь из Пекина в 1900 г. оставшуюся часть фрагментов он передал Чжао Чжичжаю (см. [30, с. 7]). Нам неизвестны взаимоотношения Фаней и Чжао Чжичжая, однако можно предположить, что Чжао Чжичжай оказал Фаням услугу по реализации нового товара, за что и был принят в долевое участие.

Некоторые специалисты считают, что Фань Вэйцин, будучи земляком Чэнь Цзеци, учителя Ван Ижуна, имел связи среди чиновников-коллекционеров, в числе которых был и Ван Ижун (см., напр., [16, с. 20]). Это всего лишь предположение. Однако, как нам представляется, посредником, который вывел Фаней на Ван Ижуна, являлся Чжао Чжичжай. Судя по отзыву Чалфанта, тот был респектабельным вэйсяньским антиквариером. Здесь уместно вспомнить слова Шан Чэнцзо о том, что именно Чжао Чжичжай имел связи в высшем обществе, а также дневниковые записи Лю Э о Чжао Чжичжае, который, судя по всему, был знаком с близкими Ван Ижуна и много времени проводил в Пекине.

Как следует из рассказа Фаня, продажа 800 фрагментов в 1900 г. была не первой сделкой с Ван Ижуном. В *Цзягу няньбяо–1937* в разделе «1899–1900 гг.» со ссылкой на ту же работу Мэнзиеса Дун Цзобинь сообщает, что осенью 1899 г. торговец Фань продал Ван

²⁶ Цены, по которым, согласно Дун Цзобиню (см. [17, с. 2]), вэйсяньские торговцы продавали первую партию, 2,5 *ляна* за знак для Дуань Фана и 2 *ляна* серебром за фрагмент для Ван Ижуна, несомненно, завышены. Можно верить Ван Сяну, что первоначально цена на гадательные кости была действительно очень высокой: в 1899 г. Фань Шоусюань просил 1 *цзинь* за знак для крупных фрагментов, всего цена такого фрагмента могла достигать более 10 *цзиней*. В следующем году цена была снижена (см. [9, с. 1788]), что, к слову, также подтверждает сведения о покупке костей Ван Ижуном в 1900 г. О продаже костей Ван Ижуну Ван Сян пишет так: «Оставшуюся часть костей, как стало известно, полностью продал Ван Ляншэну [Ижуну] за три тысячи *цзиней*. Когда [Фань Шоусюань] говорил об этом, то весь сиял от радости» [8, с. 13]. По-видимому, в частных беседах свой реальный доход вэйсяньский торговец легко умножал на десять. К слову, сумма в 300 с лишним *лянов*, полученная вэйсяньскими торговцами от Ван Ижуна, была более чем внушительной: она составляла порядка двух годовых доходов ректора Императорской академии наук.

Ижуну 12 фрагментов гадательных костей по цене два *ляна* серебром за фрагмент (см. [17, с. 1]). Эти сведения впервые появились в *Цзягу яньцзю* и до этого не были известны. Именно это сообщение стало тем источником, на основании которого считается, что Ван Ижун открыл гадательные надписи в 1899 г.

Итак, по выкладкам Дун Цзобиня в *Цзягу няньбяо—1937*, объединившим сведения Мэнзиеса и Лю Э, Ван Ижун покупал гадательные кости трижды: 1) 12 фрагментов у Фаня осенью 1899 г. (по сведениям Мэнзиеса), 2) 800 фрагментов у Фаня весной 1900 г. (по сведениям Мэнзиеса и косвенно Лю Э), 3) несколько сот фрагментов в 1900 г. у Чжао Чжичжая (по сведениям Лю Э).

Судя по тому, что торговец Фань упоминает в своём рассказе целый черепаший панцирь, который до его поездки в Пекин был продемонстрирован тянцзиньским коллекционером, то, по-видимому, информатором Мэнзиеса можно считать одного из известных нам вэйсяньских антиквариев — Фань Шоусюаня, поскольку осенью 1899 г. этот панцирь (точнее верхняя часть черепашьего щитка) видели Ван Сян и Мэн Диншэн.

Заслуживает особого внимания то, что Фань вспоминает о продаже 12 фрагментов Ван Ижуну и умалчивает о продаже в том же 1899 г. небольшого числа фрагментов Ван Сяну и Мэн Диншэну. По воспоминаниям Ван Сяна, когда Фань Шоусюань объявил цену — «один *цзинь* за один знак», «бедные учёные» Ван Сян и Мэн Диншэн, «услышав столь высокую цену, упали духом» [7, с. 12]. В итоге в ноябре 1899 г. Ван Сян смог купить лишь «пару фрагментов». Однако Мэн Диншэн, загоревшись желанием непременно исследовать древние инскрипции, на деньги, которые ему прислал его состоятельный дядя из Учана на поездку в Хубэй, приобрёл у Фань Шоусюаня, как уже позднее узнал Ван Сян, «[обломки] в виде крупных боковых полосок и U-образных костей в количестве десяти фрагментов» [7, с. 12]. Эта сделка состоялась до отъезда Фань Шоусюаня из Тяньцзиня, по всей видимости, в самом конце 1899 г.

Таким образом, в Тяньцзине, ещё до продажи гадательных костей Ван Ижуну, вэйсяньский антиквар продал по максимальной цене (один *лян* за знак) в общей сложности 12 фрагментов: два маленьких фрагмента Ван Сяну и десять довольно крупных фрагментов Мэн Диншэну. В связи с этим возникает вопрос: не мог ли Фань, говоря о продаже первых 12 фрагментов, подразумевать тяньцзиньскую сделку?

Если эта догадка верна, становится объяснимым отсутствие сведений о сделке с 12 фрагментами у Лю Э, точнее сказать, у информаторов Лю Э (Ван Сяюя, Ван Дуаньши, Чжао Чжичжая), поскольку

этой сделки попросту не было. Отметим, что Ван Сян сообщает о поездке Фань Шоусюаня в Пекин после пребывания в Тяньцзине. Более того, Мэн Диншэну стало известно о покупке верхней части панциря Ван Ижуном, и он просил сына пекинского учёного Ван Чунле, который в то время служил в Тяньцзине, дать ему рекомендательное письмо для поездки к Ван Ижуну, чтобы подробнее изучить знаки на этом уникальном фрагменте (см. [38, с. 44]). Это говорит о том, что Фань Шоусюань сначала находился в Тяньцзине, а не в Пекине. Более того, как нам представляется, невзирая на то, был ли Фань Шоусюань в Пекине до конца года *цзи-хай* (до 30 января 1900 г.) или нет, верными являются сведения о том, что Ван Ижун впервые приобрёл гадательные кости весной 1900 г.²⁷, а не осенью-зимой 1899 г.

Нам неизвестен точный маршрут Фань Шоусюаня после пребывания в Тяньцзине. Сам вэйсяньский торговец упоминает о двух поездках в Пекин — зимой 1899 и весной 1900 г. Однако со слов Чалфанта следует, что торговцы не нашли сбыта гадательных костей в Пекине и вернулись в Вэйсянь (см. [3, с. 30]). Вполне возможно, что Фань Шоусюань был в Пекине в год *цзи-хай*, но, не найдя покупателя на гадательные кости, в преддверии китайского Нового года вернулся в Вэйсянь и вновь отправился в Пекин в начале года *гэн-цзы* — в феврале 1900 г. и именно тогда продал первую партию (800 фрагментов) гадательных костей Ван Ижуну. Полагаем, что изначально у вэйсяньских торговцев не было прямых контактов с Ван Ижуном и они появились лишь по возвращении в Вэйсянь, по-видимому, по рекомендации Чжао Чжичжая. После этого, приблизительно в мае, в Пекин приезжал уже сам Чжао Чжичжай и продал Ван Ижуну вторую партию. В это же время в Тяньцзине реализацией занимался Фань Вэйцин, который продал остаток костей Ван Сяну.

Описываемые события происходили на фоне восстания ихэтуаней, охватившего столичный округ, и накануне вторжения коалиционных войск восьми держав. Как сообщает Ван Сян, «в четвёртую луну объединённая армия иностранных держав осадила город»²⁸. Фань Вэйцину удалось прорваться через городские ворота и выехать из города, заложив фрагменты иньских костей за десять тяньцзиньских *цяней*» (см. [8, с. 13]). Как видно, в мае 1900 г. Фань Вэйцин покинул Тяньцзинь в спешке, и, по-видимому, так же должен был оставлять Пекин Чжао Чжичжай²⁹.

²⁷ Т.е. в мае 1900 г.

²⁸ Имеется в виду Тяньцзинь.

²⁹ К слову, Лю Э также покинул Пекин в мае 1900 г., переехав, как и многие другие, на юг, в Шанхай (см. [26, с. 53]).

Итак, по всей видимости, Ван Ижун приобретал гадательные кости в период с февраля по конец мая 1900 г. Заметим, что в июне 1900 г. Ван Ижун был назначен командующим силами самообороны города и вряд ли мог заниматься коллекционированием. В это же время Ван Ижун велел покинуть Тяньцзинь своему сыну Ван Чунле с семьёй. 14 августа коалиционные войска захватили Запретный город, и на следующий день Ван Ижун покончил жизнь самоубийством, бросившись в колодец во дворе своего дома. Такой поступок, по традиционным китайским представлениям, считается героическим³⁰.

В *Цзягу няньбяо–1937* в разделе «1900–1901 гг.» авторы, высказывая собственное мнение, сообщают следующее: «В то время среди образованных людей ходили разные кривотолки по поводу [гадательных костей], многие считали их фальшивкой. Господин Ван [Ижун] обнаружил [в гадательных надписях] имена *ванов* династии Шан и установил, что инскрипции столь необычны, потому что [гадательные кости] являются утраченными предметами эпохи Шан-Инь» [17, с. 2]. Не ясно, на основании каких источников, Дун Цзобинем сделано данное суждение. Некоторые имена иньских *ванов* в гадательных надписях впервые обнаружил Лю Э, который также предположил, что эти надписи «выцарапаны ножом иньцев» (см. [27, т. 2, с. 22–27]).

Прямых доказательств тому, что Ван Ижун исследовал гадательные надписи, нет³¹. Нам неизвестно, к каким выводам пришёл Ван Ижун и насколько далеко он успел продвинуться в исследовании гадательных надписей. По словам Лю Э, Ван Ижун, впервые увидев гадательные кости, «пришёл в восторг» [27, т. 2, с. 21]. Другими словами, Ван Ижун понял, что перед ним неизвестные образцы древнейшего китайского письма. Вероятным указанием на то, что Ван Ижун приступил к изучению гадательных надписей, являются слова У Чаншоу, который, описывая заслуги Лю Э по дешифровке

³⁰ Ван Ижун, решив покончить с собой, сперва проглотил медную и золотую монеты, но эффекта не было. Затем принял яд и тоже безрезультатно. В итоге он бросился в колодец, за ним туда же бросились его жена и невестка, вдова старшего сына (см. [40, с. 74]). Ван Ижун остался в памяти людей как истинный патриот.

³¹ Единственным, кто прямо указывает на то, что Ван Ижун не только приступил к дешифровке гадательных надписей, но и определил их принадлежность к эпохе Шан-Инь, был младший сын Ван Ижуна Ван Ханьчжан. Однако в то время ему было всего восемь лет, а свои воспоминания Ван Ханьчжан опубликовал спустя 34 года со смерти отца. Возможно, что эти сведения он слышал ранее от своих близких (см. [10, с. 2]). Однако его свидетельство с трудом можно считать объективным.

гадательных надписей³², вскользь замечает, что «Вэньминь первым проложил путь» [27, т. 2, с. 17]. Эти слова можно интерпретировать как указание на то, что Ван Ижун определённо предпринял попытку дешифровки иньских знаков³³ (см. [29, с. 14]).

Ван Говэй как-то упомянул, что Ван Ижун хотел сохранить в тайне своё приобретение гадательных надписей (см. [12, с. 33]). Впоследствии эту идею развил Чэнь Мэнцзя, сделав следующие выводы: 1) «При жизни Ван Ижуна господин Лю [Э] не видел его (Ван Ижуна. — Д.К.) гадательных костей, поскольку в то время господин Ван [Ижун] хранил их в тайне и не стремился показать другим, 2) господин Лю [Э] лишь верил в то, что Ван [Ижун] в год *гэн-цзы* купил две партии и у него не было целых панцирей, 3) поскольку Ван [Ижун] держал свою коллекцию в строжайшем секрете, среди людей было много слухов» [43, с. 647]). Лю Э, действительно, не видел коллекцию Ван Ижуна при жизни последнего, но, по-видимому, не потому, что Ван Ижун скрывал её, а по другим причинам³⁴. Согласимся с Ли Цзи, который справедливо возражая Чэнь Мэнцзя, указывал на то, что дневниковым записям Лю Э только

³² Лю Э распознал циклические знаки иньского календаря и обнаружил имена покойных *ванов* — 12-го и 13-го правителей иньской династии Цзу-и и Цзу-синя и покойных цариц Му-гэн и Фу-хао (см. [27, т. 2, с. 24]).

³³ В связи с этим заслуживают интереса впечатления Ван Сяна о первые увиденных гадательных костях. При первоначальном беглом осмотре гадательных надписей он и его товарищи смогли распознать знаки *бу* «гадать» и *цзи* «благоприятно», по которым поняли, что перед ними надписи, связанные с мантикой. Сразу определить, что надписи относятся к эпохе Инь, они, конечно, не смогли, но были точно уверены в их принадлежности к одной из трёх первых династий (Ся, Шан-Инь, Чжоу, см. [9, с. 2590]). В 1903 г. Ло Чжэньюй, работая с коллекцией Лю Э, пришёл к выводу о принадлежности гадательных костей к эпохе Ся и Шан (см. [27, т. 2, с. 14]). Известный цинский учёный Сунь Ижан (Сунь Чжунжун, 1848–1908), закончивший в 1904 г. первую крупную работу по дешифровке гадательных надписей из каталога Лю Э, пришёл к выводу о том, что они должны датироваться периодом ранее эпохи Чжоу (см. [11, с. 4]). Как нам представляется, Ван Ижун не обладал достаточным количеством гадательных надписей, чтобы наверняка определить их иньское происхождение.

³⁴ Причины для того, чтобы скрывать свою коллекцию от общественности, у Ван Ижуна не было. Напротив, судя по действиям Лю Э и Ло Чжэньюй, которые стремились привлечь к изучению иньских надписей как можно большее число специалистов (см., напр., рекламное объявление каталогов Лю Э *Теюнь цан гуй* и *Теюнь цан тао* [27, т. 1, с. 669]), Ван Ижун должен был бы также сделать свою коллекцию открытой для коллег.

и можно верить, а выводы Чэнь Мэнцзя — это плод богатого воображения авторитетного учёного (см. [22, с. 15]).

В 1900 г. о находке гадательных костей было уже известно достаточно широкому кругу коллекционеров. В 1899 г. в Тяньцзине, кроме Ван Сяна и Мэн Диншэна, были и другие участники первой презентации гадательных костей, в частности братья Ван Сяна и их знакомый коллекционер Ма Цзинхань (Ма Цзятун, 1861–1927, см. [9, с. 2590–2591]). Интересно, как описывает Ван Сян место, в котором, можно сказать, происходило открытие гадательных надписей. Фань Шоусюань остановился в небольшой гостинице, куда и позвал коллекционеров. Голые стены гостиничной комнаты, маленькие окна, через которые едва проникал свет — в таком интерьере вэйсяньский торговец извлекал перед собравшимися загадочные «кости»: среди них были крупные и мелкие фрагменты, некоторые ещё неочищенные от песка и грязи, но и на них явственно проступали вырезанные знаки. Так присутствующие стали свидетелями явления иньских гадательных надписей, которые для них были в тот момент лишь неизвестными архаическими инскрипциями (см. [8, с. 13]).

В *Цзягу няньбяо–1930* в разделе «1900 год» со ссылкой на работу Мэнзиеса *Иньсюй буцы* «Гадательные кости из Иньсюя» содержится информация о том, что в том году в Вэйсяне (Шаньдун) миссионеры Коулинг и Чалфант скупили большое количество фрагментов гадательных костей (см. [18, с. 113]). Эта информация не соответствует действительности: впервые они приобрели их позднее — в 1903 г. Однако, в 1900 г. Чалфант, вероятно, впервые увидел гадательные кости в Вэйсяне у Чжао Чжичжая (см. [3, с. 30]).

Как нам представляется, дело не в том, что Ван Ижун хотел сохранить сведения о гадательных костях в тайне, что было бы бессмысленной идеей, поскольку к этому не стремились торговцы, а в том, что у цинского чиновника попросту не было достаточно времени: в обстановке внутренней смуты и вторжения иностранных войск Ван Ижун был занят государственными делами. К тому же не все ранние обладатели гадательных костей приступали к их изучению: достаточно заметить, что такие видные палеографы, как Дуань Фан и Шэнь Цзыпэй (Шэнь Цэнчжи, 1850–1922) вовсе не оставили каких-либо записей об изучении ими своих коллекций. Другие исследователи приступали к изучению надписей спустя несколько лет после их приобретения, как, например, Ван Сян.

В *Цзягу няньбяо–1937*, наряду со сведениями Мэнзиеса, появляется ещё одно неожиданное свидетельство того, что Ван Ижун независимо от кого-либо обнаружил гадательные надписи. Речь идёт о знаменитой «аптечной» истории о том, как Ван Ижун якобы заболел

малярией, купил в аптеке лекарство *лунгу* и на одном из обломков обнаружил иньские знаки (см. табл.). Источником, на который ссылается Дун Цзобинь, является журнальная статья, имеющая крайне сомнительную ценность.

Эта статья принадлежит перу некоего Си Вэна и была опубликована 5 июля 1931 г. в 89-м номере *Хуабэй хуа-кань*, иллюстрированном приложении к пекинской (в то время — бэйпинской) газете *Хуабэй жи-бао*. В этом популярном ежемесячнике обычно печатались небольшие по объёму статьи о культурной и политической жизни северного Китая. Как правило, заметки были снабжены качественными фотографиями. Статья Си Вэна также представляет собой небольшую заметку объёмом около 400 знаков. Личность автора, а его имя Си Вэн, скорее всего, является псевдонимом, не установлена. Но кем бы он ни был, можно утверждать, что к истории изучения гадательных надписей он имел поверхностное отношение. Этого не скрывал и сам автор, говоря, что источником его информации были «слухи» (в тексте: «в общем, говорят так», см. табл.).

Несмотря на это, после публикации Дун Цзобинем отрывка из данной статьи заметка Си Вэна прочно закрепилась в библиографии по гадательным костям, причём никто из специалистов долгое время не видел текста первоисточника и не задавался целью его изучения. Самое удивительное, что работы Си Вэна не видел соавтор *Цзягу няньбяо–1937* — Ху Хоусюань. По словам Мэн Шикая, работая над *Цзягу хэцзи* «Сводом гадательных надписей», ему довелось трижды и причём в разные годы спрашивать Ху Хоусюаня об этой статье, и тот каждый раз признавался, что лично не читал оригинала ([39, с. 32]). Лишь в 2007 г. Ли Сюэцин не без малого труда смог достать фотокопию оригинальной заметки и изучить текст Си Вэна в полном виде. Детальный анализ статьи привёл Ли Сюэциня к выводу о ненаучном характере данного произведения (см. [21, с. 3]).

Не ставим своей целью повторить здесь все неточности и ошибки, которые содержатся в статье Си Вэна. Заметим, что Лю Э, который действительно находился в Пекине в 1899–1900 гг., не останавливался у Ван Ижуна и что в то время ему ничего не было известно о коллекции гадательных костей учёного. В биографии Ван Ижуна, в его переписке и воспоминаниях современников также отсутствуют какие бы то ни было записи о заболевании малярией и покупке *лунгу* в аптеке.

Кроме того, вероятность покупки в аптеке целого фрагмента, хотя бы и небольшого, с одним-двумя знаками, представляется невероят-

ной³⁵. Следует обратить внимание на сообщения самого Дун Цзобиня о том, что аптеки не принимали фрагменты с инскрипциями, которые тщательно соскребались (см. выше).

В дополнение можно привести свидетельство Б. Рида из Института медицинских исследований Генри Лестера, относящееся к 1930-м годам. Этот исследователь задался целью изучить *лунгу* «кости дракона» и *лунчи* «зубы дракона», продаваемые в аптеках Шанхая, и определить их принадлежность тем или иным видам ископаемых животных. Обойдя целый ряд аптек, учёный смог добыть только зубной материал. Что касается костей, то все они оказались непригодны для исследования, поскольку были слишком фрагментарны (см. [4, с. 24]).

Обратим внимание на то, что Дун Цзобинь предпочёл «аптечный» миф в изложении неизвестного автора похожему рассказу торговца Фаня в *Цзягу яньцзю* Мэнзиеса, работе, на которую Дун Цзобинь неоднократно ссылается в *Цзягу няньбяо–1937*. Напомним, что Мэнзиес записал рассказ Фаня в 1914 г., следовательно, его версия мифа является наиболее ранней.

В разговоре с Мэнзиесом Фань так описывает обнаружение гадательных надписей: «В 1899 г. (*цзи-хай*, 25-й год правления Гуансюя) учёный по имени Ван Ижун (имя Ляньшэн, титул Вэньминь-гун) пришёл в одну пекинскую аптеку купить *лунгу*. Там он приобрёл обломок черепашьего панциря со знаками, которые, как он заметил, схожи со знаками на бронзе. Он спросил об их происхождении и [сказал, что] если будут ещё *лунгу* с инскрипциями, то он возьмёт по цене один *лян* за знак. Вернувшись домой, он занялся исследованием приобретённого. Ван Ляньшэн является первым, кто исследовал гадательные кости. Осенью этого года господин Фань из Вэйсяня продал господину Вану 12 фрагментов гадательных костей по цене два *ляна* за фрагмент. Будучи в Пекине, господин Фань узнал о делах господина Вана и сразу отправился в Чжандэ, где приобрёл 12 фрагментов. Затем он вернулся в Пекин и продал их господину Вану» [30, с. 7].

Из этого рассказа следует, что Фань Шоусюань якобы выполнял поручение Ван Ижуна, к тому времени уже самостоятельно обнаружившего гадательные надписи. В отличие от версии Си Вэна, в которой ничего не говорится о вэйсяньском торговце, в рассказе

³⁵ Некоторыми специалистами предпринимались попытки доказать, что в аптеках могли продаваться очень маленькие фрагменты с одним-двумя знаками наподобие некоторых фрагментов, раскопанных в последнее время (см. [37, с. 4]). Однако их доводы умозрительны и неубедительны.

Фаня не фигурирует Лю Э. Вероятно, именно поэтому Дун Цзобинь остановился на версии Си Вэна: то, что Фань каким-то образом узнал об открытии Ван Ижуна и предложил ему свои услуги, выглядит чересчур фантастичным и ставит вэйсяньского коммивояжёра вровень с ректором Академии. Скорее можно было бы поверить в то, что вторым лицом был Лю Э, учёный, как известно, сыгравший ключевую роль в открытии гадательных надписей. При этом не трудно заметить, что Фань и Лю Э в легенде являются как бы взаимозаменяемыми персонажами: они оба выполняют функции закупщиков гадательных костей³⁶.

Кроме того, существуют и другие версии этого мифа с разными лицами в качестве порученцев Ван Ижуна³⁷. В последующей литературе по *цзягувэнь* сюжет был значительно упрощён: в нём остался один Ван Ижун. В таком виде этот рассказ стал широко использоваться для описания открытия гадательных надписей (см., напр., [35, с. 553]).

Признавая «аптечную» историю мифом, считаем, что оригинальной версией является рассказ антиквара Фаня. Автором его мог быть лишь сам рассказчик — человек, который и являлся истинным первооткрывателем гадательных надписей. По-видимому, на определённом этапе торговли гадательными костями вэйсяньским торговцам было выгоднее оставить себя на вторых ролях и выдвинуть на первый план безусловного авторитета, которым и был Ван Ижун.

Сложнее обстоит дело с ответом на вопрос, зачем понадобилось Дун Цзобиню включать в свой серьёзный труд явную небылицу. В

³⁶ Интересно, что, по версии Си Вэна, именно Лю Э первым заметил знаки на *лунгу* и показал Ван Ижуну.

³⁷ Впервые в литературе «аптечный» миф появляется в работе Мэнзиеса *Иньской буцы*, изданной в 1917 г. Миф изложен очень кратко: в нём фигурирует пекинский учёный Ван (без указания имени) и отсутствуют другие персонажи (см. [5, с. 2]). Есть версии этого мифа, в которых Ван Ижун поручает скупить гадательные кости двум торговцам — Фань Вэйцину и Чжао Юнчжуну (т.е. Чжао Чжичжаю) и даже некоему антикварию Сунь Цюфаню с пекинского антикварного рынка Люличан (см. [38, с. 4]). Примечательно, что и главный герой «аптечного» мифа тоже был заменяемой фигурой. Так, существуют версии, согласно которым первооткрывателями иньских надписей на обломках *лунгу*, купленных в аптеке, выступают Мэнзиес, а также Лю Э (см., например, [28, с. 209]). Впоследствии миф снова трансформировался: по одной из версий, Фань Вэйцин, не найдя в Чжандэ бронзовых сосудов, решил заработать на сбыте *лунгу*, которые повёз в пекинские аптеки, где Ван Ижун якобы и купил фрагмент со знаками, а затем попросил хозяина аптеки прислать к нему торговца *лунгу* (см. [20, с. 37]).

Цзягу няньбяо–1930 Дун Цзобинь справедливо называет первооткрывателем гадательных надписей вэйсяньского антиквара Фань Вэйцина, но ошибочно называет их первым приобретателем Дуань Фана. При этом он особо подчёркивает, что Ван Ижун приобрёл гадательные кости сравнительно поздно — в 1900 г. К 1937 г. учёный изменил свою точку зрения, отдав первенство открытия и приобретения гадательных надписей всецело Ван Ижуну, однако, не найдя убедительных ссылок на то, что коллекция пекинского учёного была собрана ранее 1900 г., сослался на неприметную газетную статью, которая, будучи основанной на слухах, трактует обнаружение гадательных надписей как своего рода чудо.

Если посмотреть на текст первой главы *Цзягу няньбяо–1937* и отбросить «аптечный миф», то оказывается, что у такого сенсационного открытия, которым, безусловно, являлось открытие иньских гадательных надписей, нет подобающего автора. На наш взгляд, включение в «Хронологию» статьи Си Вэна было продиктовано желанием Дун Цзобиня сделать Ван Ижуна, первого крупнейшего коллекционера гадательных костей, их непосредственным первооткрывателем, что не находит подтверждения в известных источниках. Кроме того, приведённый Дун Цзобинем рассказ искажает роль Лю Э, а также исключает роль вэйсяньских торговцев и тяньцзиньских коллекционеров в открытии гадательных надписей.

Примечательно, что если в 1930 г., когда раскопки Иньсюя только начались, открытие гадательных надписей Дун Цзобинь прямо связывал с именем Фань Вэйцина, то в 1937 г., когда стало ясно, что была сделана величайшая археологическая находка, на роль первооткрывателя иньских надписей потребовалась масштабная фигура, какой стал крупный учёный и государственный деятель, патриот, отдавший свою жизнь в борьбе с иностранными оккупантами, — Ван Ижун. Бесспорно, если бы не профессиональное чутьё Ван Ижуна, история гадательных надписей могла развернуться в совсем ином направлении. Однако использование вымыслов, даже из лучших соображений, является фальсификацией исторических фактов.

Доверие Дун Цзобиня к устным свидетельствам можно объяснить его научным опытом фольклориста. В этом смысле следует отдать должное талантливому учёному за популяризацию гадательных надписей. Поместив один из ходивших в то время слухов в «Хронологические таблицы», он попал в самую точку. Красивая легенда, зародившаяся в среде антиквариетов, стремительно распространилась, попав на страницы многих научных и научно-популярных изданий. И по сей день «аптечный» миф волнует умы широкой аудитории и подменяет подлинную историю открытия иньских гадательных

надписей — открытия, которое являлось длительным и неоднозначным процессом.

Литература

1. Бунаков Юрий. Гадательные надписи из Хэнани (Китай). Ленинград–Москва, 1935.
2. Сыма Цянь. Исторические записки. Москва, 2001.
3. Chalfant Frank Herring. Early Chinese writing // Memoirs of the Carnegie Museum. Vol. IV, № 1. Pittsburgh, 1906.
4. Read Bernard E. The dragon in Chinese medicine // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. LXX, 1933.
5. Menzies James Mellon. Oracle records from the Waste of Yin. Shanghai, 1917. P. 4, 5, 9.
6. Ван Ижун цзи (Собрание сочинений Ван Ижуна). Цзинань, 1999.
7. Ван Сян. «Мэн Диншэн иньце» сюй (Предисловие к «Иньским надписям Мэн Диншэна») // Лиши цзяосюэ. Вып. 9. 1993.
8. Ван Сян. Хуэй Ши Инь це (Иньские надписи из коллекции Хуэй Ши) // Лиши цзяосюэ. Вып. 9. 1982.
9. Ван Сян чжуцзо сюаньцзи (Избранное произведений Ван Сяна). Т. 1–3, Тяньцзинь, 2005.
10. Ван Юйсинь. Гуаньюй Иньсюй цзягுவэнь дэ фасянь (О находках гадательных надписей из Иньсюя) // Иньду сюэкань. Вып. 4. 1984.
11. Ван Юйсинь. Цзяньго илай цзягувэнь яньцзю (Исследование гадательных надписей после образования КНР). Пекин, 1981.
12. Ван Юйсинь. Цзягусюэ тун лунь (Общие сведения о науке о гадательных надписях). Пекин, 1999.
13. Ван Юйсинь. Чжунго цзягусюэ (Китайская наука о гадательных костях). Шанхай, 2009.
14. Го Цяниэн. Дунцзобинь чжуань (Биография Дун Цзобиня). Нанкин, 2010.
15. Гу Иньхай. Цзягувэнь: фасянь юй яньцзю (Гадательные надписи: открытие и исследование). Шанхай, 2002.
16. Дай Цзясян. Цзягувэнь ды фасянь цзи ци сюэшу ии (Открытие гадательных надписей и его научное значение) // Лиши цзяосюэ вэньти. Вып. 3. 1957.
17. Дун Цзобинь, Ху Хоусюань. Цзягу няньбяо (Хронология гадательных костей). Шанхай, 1937.
18. Дун Цзобинь. Цзягу няньбяо (Хронология гадательных костей) // Шиюйсо цзи кань (Периодический сборник Института истории и языка). Пекин, 1930.
19. Дун Цзобинь юй цзягусюэ яньцзю (Дун Цзобинь и исследования науки о гадательных надписях) / Под ред. Го Синьхэ. Кайфэн, 2003.
20. Дэн Хуа. Ши хай бэй цзун (Следы сокровищ в море истории). Пекин, 2000.

21. *Ли Сюэцинъ*. Си Вэн «Гуй цзя вэнь» юй цзягувэнь ды фасянь («Надписи на черепаших панцирях» Си Вэна и открытие гадательных надписей) // *Иньду сюэкань*. Вып. 3. 2007.
22. *Ли Цзи*. Аньян (Аньян). Пекин, 2011.
23. *Ло Чжэньчан*. Хуань Ло фангу юцзи (Записки о путешествии и изучении древностей в Хуань и Ло). Чжэнчжоу, 1987.
24. *Ло Чжэньюй*. Сюэ Тан цзы шу (Собрание произведений Сюэ Тана). Наньцзин, 1999.
25. *Люй Вэйда*. Ван Ижун фасянь цзягувэнь шимо (История открытия гадательных надписей Ван Ижуном от начала до конца) // *Иньду сюэкань*. Вып. 3. 2007.
26. *Лю Хуэйсунь*. Теюнь сяньшэн няньпу (Жизнеописание господина Теюня). Цзинань, 1982.
27. Лю Э цзи (Собрание сочинений Лю Э). Т. 1, 2. Чанчунь, 2007.
28. Лю Э цзи «Лао Цань ю цзи» цзыляо (Лю Э и материалы «Записок о путешествии Лао Цаня») / Под ред. *Лю Дэлуна, Чжу Си, Лю Дэпина*. Чэнду, 1985.
29. *Ма Жусэнь*. Гуаньюй яньцзю цзягувэнь фасянь ды шупин (Об итогах изучения открытия гадательных надписей) // *Иньду сюэкань*. Вып. 2. 1991.
30. *Мин Иши*. Цзягу яньцзю (Исследование гадательных костей). Цзинань, 1996.
31. *Сун Луся*. Бай нянь шоу цан (Коллекции за сто лет). Тайбэй, 2005.
32. *У Хаокунь, Пань Ю*. Чжунго цзягусюэ ши (История китайской науки о гадательных надписях). Шанхай, 2006.
33. Хэнань дасюэ юй цзягу (Хэнаньский Университет и гадательные кости). Под ред. *Го Шэньцяна*. Кайфэн, 2003.
34. *Ху Хоусюань*. У ши нянь цзягувэнь фасянь ды цзунцзе (Итоги пятидесяти лет открытия гадательных надписей). Гонконг, 1957.
35. *Ху Хоусюань*. Цзягусюэ Шан ши лунь луныцун чуцзи (Первый сборник обозрения науки о гадательных надписях и истории). Шицзячжуан, 2002.
36. *Ху Хоусюань*. Ши Ван Ижун цзаоци со хо бань гуй фуцзя буцы (Толкование гадательной надписи на половине нижнего черепашого щитка, приобретённого Ван Ижуном в ранний период) // *Иньду сюэкань*. Вып. 1. 1987.
37. *Цао Динъюнь*. Цун «лунгу» дао цзягу ды фэйюэ — Ван Ижун фасянь цзягувэнь 110 чжоунянь цзинянь (Скачок от «костей дракона» к гадательным костям — К 110-й годовщине обнаружения гадательных надписей Ван Ижуном) // *Иньду сюэкань*. Вып. 3. 2009.
38. Цзинянь Ван Ижун фасянь цзягувэнь 110 чжоунянь гоцзи сюэшу яньтаохуй луньвэнь цзи (Сборник международного научного симпозиума, посвящённого 110-й годовщине открытия гадательных надписей Ван Ижуном). Яньтай, 2009.
39. Цзягусюэ и бай нянь (Сто лет науке о гадательных костях). Пекин, 1999.
40. *Чжай Жуцянь, Люй Вэйда, Шань Мань*. Цзягувэнь чжи фу Ван Ижун (Ван Ижун — отец гадательных надписей). Цзинань, 1995.

41. Чжан Лицзюнь. Цзягувэнь ши хуа (Краткая история гадательных надписей). Пекин, 2014.

42. Чжунго Иньсюй: цюй Аньян жэньши Шан дай вэньмин (Китайский Иньсюй: путеводитель по Аньяну для знакомства с цивилизацией династии Шан) / Под ред. Ян Шаньцина, Ду Цзюмина. Шанхай, 2006.

43. Чэнь Мэнцзя. Иньсюй буцы цзуншу (Общий свод сведений о гадательных надписях из Иньсюя). Пекин, 2004.

*D.E. Kulikov**

**Dong Zuobin and the history of discovery of Yin oracle bones
(the review of records in two editions of *Jiagu nianbiao*
and the relative sources)**

ABSTRACT: Dong Zuobin was one of the pioneers of the archaeological discovery and study of Yinxu where the last capital of Shang-Yin dynasty (ca. 1300–1028 B.C.) was excavated in 1929–1937. This place has been known by findings of Yin oracle bones since the beginning of the 20th century. Dong Zuobin focused on the history of the sporadic findings and study of oracle bones before 1929. He published two books under the same name as *Jiagu nianbiao* (“The chronology of oracle bones”) in 1930 and 1937. The records concerning the first finding and discovery of oracle bones have a significant difference in the first chapters of two editions.

This paper presents a reconstruction of the complicated process of the discovery of oracle bones by exploring written evidence both used and not used by Dong Zuobin in his chronology. Finding the records in two editions of *Jiagu nianbiao* contradictory the author gives his own explanation and makes a conclusion that the reason therefor was that Dong Zuobin preferred a myth to facts in order to relate the sensational discovery with a heroic name of the first great collector of oracle bones Wang Yirong only. The article reveals the role of vendors from Weixian and collectors of Tianjin in the discovery of oracle-bone inscriptions.

KEYWORDS: Shang, Yin, oracle bones, *longgu*, Yinxu, Anyang, Dong Zuobin.

* Kulikov Dmitry Evgenyevich, PhD (History), independent researcher, Moscow, Russia.